

КРЕПЧЕ СТАЛИ

живцев об остроумном приспособлении, с помощью которого, не выходя из окопа, наши воины могли минировать подступы к передовой. И еще — целый калейдоскоп сооружений, из тех, что приходилось ему возводить, и из тех, что нужно было взрывать, разрушать, — в

инженер был одновременно и бойцом. И интересно было бы узнать, кого Мнацакан Еремович ценил в себе во время войны больше: воина-фронтовика или военного инженера. Как ответит он на этот вопрос?

— Разумеется, инженера, — говорит твердо, — по сравнению с одной умело подготовленной переправой, обзаведшейся сотнями наших бойцов, приведшей, в конечном счете, к успеху наступательной операции, число уничтоженных в бою фашистов выглядит бледно. Хочу вспомнить здесь один такой эпизод: на территории Югославии я как-то получил задание — восстановить мост, по которому должны были подтянуться наши тылы. Аналогичное задание получили и югославские инженеры. Они прибыли на место, когда у нас уже был намечен проект реконструкции. «Мы обещали нашему командованию восстановить мост через два месяца, — заявили они мне, — через неделю здесь будут люди, материалы, техника — все необходимое». У меня значились другие сроки. «Через неделю по мосту смогу пройти танки!» — ответил им. Они это восприняли, как шутку. Через неделю приехали с обозом на восстановление моста, в тот самый момент приехали, когда по нему действительно шли танки. Все осмотрели, ощупали, подошли ко мне с поздравлениями. Никогда не забуду слова одного из них: «На такое способны только советские люди!» Честное слово, я порадовался этому признанию больше, чем порадовался бы тому, что живым вышел из труднейшего боя...

В этой войне советские инженеры всему миру показали не только уровень советской науки, но и силу характера. Среди тех, кто пересиливал и пересилил хваленый технический гений противника, было очень много ученых и инженеров — наших земляков. Били в небо врага их самолеты. Оттанавливали «тигров» их противотанковые орудия. Мины, изобретенные ими, оказывались не по зубам вражеским саперам, ведшим разминирование. Простая бездымная парафиновая печурка согревала наших бойцов в окопах на передовой. Разве все перечислишь? Не перечислить нужно. Хочется верить, что ветераны, которые прочтут этот материал, откликнутся, напишут нам о забытых остроумных изобретениях военного времени, помогавших громить ненавистного врага, о скромных военных инженерах, внесших свой вклад в Победу.

Никого уже не осталось из храбрых молодых людей, поднявших в 1935-м знак Канакерской ГЭС на вершину Арагаца. Почти все прошли огонь войны. Одни не вернулись с полей сражений, другие закончили свой жизненный путь уже в мирное время. А Мнацакана Чахояна судьба испытала на прочность всеми доступными ей способами, и теперь, будто со стороны, с удивлением за ним наблюдает. У него все, как тогда, в далеких сороковых. По-прежнему связан с энергетикой — работает инженером-экономистом «Армглавэнерго». По-прежнему бодр, походка не потеряла пружинистости и упругости, характерной для военных. По-прежнему офицерски подтянут... Только орденов и медалей теперь много на парадном его мундире подполковника, да седина покрыла голову. А металлического знака, на котором написано «Канакерская ГЭС, СССР», уже нет на вершине Арагаца. Проржавел, был снесен ветрами, затерялся в снегах... Люди бывают крепче стали...

А. ФРИМЕРМАН
наш спец. корр

Довоенное поколение армянской молодежи как-то по-своему, по-особенному проявило чувство гордости за свободную свою республику. Уже трудно сказать, кто сделал это тогда первым, — принес на самую высокую точку Армении, на вершину Арагаца, отлитую в сталь и трепещущую в шелке символику Советской власти. Только инициатива эта пришла к лицу времени. Одна группа молодежи доставила на вершину бюст Ленина, другая — Красное знамя, третья установила металлическую треногу со щитом, на котором выгравированы четыре буквы — СССР. Среди других был доставлен сюда и металлический знак, на котором надпись: «Канакерская ГЭС, 1935 год».

Двадцать два комсомольца — молодых строителя ГЭС, с которой Армения связывала перспективы невиданного тогда еще развития промышленности, доставили знак в Бюракан. Шестеро из них понесли его дальше — к вершине. Мела пурга, с трудом давался каждый шаг, а места тогда еще вокруг были дикие, укрыться было негде. Понадобились воля, мужество, выносливость, чтобы победить. И они победили. Стояли под напором дикого, пронизывающего ветра высоты, изможденные и счастливые, и каждый думал, что восхождение труднее этого ему уже не испытать. Но впереди брезжило восхождение куда более трудное — сквозь метель войны — к Победе.

Был среди них и студент вечернего строительного факультета Ереванского политехнического института, техник-строитель Канакерской ГЭС Мнацакан Чахоян.

Жаль, не многое нам известно о деятельности военных инженеров огненных лет. От силы можно припомнить несколько книг и фильмов о том, как сражались они — оружием инженерной мысли. А между тем, на их долю выпал такой же страшный груз войны, как на солдата и полководца. Немцы считались гениями техники и, особенно в первые годы войны, с успехом подтверждали нареченное молвой. Ветераны помнят «сюрпризы» противника: прыгающие мины, разрывающиеся на некотором расстоянии от земли, нанесшие значительный урон нашим войскам в живой силе, «хлопушки» — на вид невинные, красиво раскрашенные игрушки, поднять которые с земли означало смерть, и целый арсенал других технических военных новшеств. Бытовала на фронте крылатая солдатская фраза: «На войне не кто кого перестреляет, а кто кого передумает». В замечательной пьесе «А зори здесь тихие» она вложена в уста главного героя. «Передумать» в первую очередь предстояло военным инженерам, среди которых был дивизионный инженер третьего ранга 223-й стрелковой дивизии Чахоян. С того времени у Мнацакана Еремовича сохранились чертежи мин, которые изготавливали в дивизионных мастерских в лесах Венгрии. Остались воспоминания сослу-

разных случаях и то, и это было позарез нужно. За плечами военного инженера — форсирование Кубани, Южного Буга, Днестра, Днепра, Дуная. Огромная работа саперов предшествовала форсированию каждой из этих водных преград. Возводили понтонные переправы под огнем противника, строили лодки, плоты, да такие, что на них перевозили на другой берег даже орудия. При закреплении оборонительных рубежей Чахоян обеспечивал точно рассчитанную систему траншей, превращая их в неприступную крепость. Строил блиндажи, командные пункты. Взрывать было куда тяжелее. Особенно запомнился ветерану взрыв на правом берегу Днепра. 26 сентября 1943 года дивизия форсировала Днепр и с ходу повела наступление. Но на пути наступающих войск проходила железная дорога, по которой курсировал бронепоезд противника, своим фланговым огнем не давая продвинуться вперед наступающим. Чахоян получил задание: силами дивизионных саперов при поддержке первого батальона 1037 полка, которым командовал майор Матвейчук, взорвать железную дорогу. Противник их обнаружил, завязалась перестрелка, фашисты атаковали большими силами, начался рукопашный бой. Совсем рядом умирали товарищи, а саперы продолжали работу — закладывали взрывчатку под рельсы. Четыре взрыва прогремели почти одновременно. В этом бою погиб смертью героя Матвейчук.

В апреле 1944 года 223-я стрелковая дивизия подошла к Днестру. При рекогносцировке Чахоян был ранен, но поля боя не покинул, продолжал работу по инженерному обеспечению преодоления водной преграды. Довел дело до конца, а потом, на том берегу реки, приложил немало сил, чтобы создать эффективную оборону на занятом нашими войсками плацдарме. В его архиве сохранился листок с отчетом о проделанной работе. Такого масштаба цифры встречаешь, когда речь идет о строительстве небольшого водохранилища, где заняты экскаваторы, бульдозеры, «КамАЗы». А тут ведь все — саперной лопаткой, под огнем врага. Траншей вырыли 24 километра, земляных работ выполнено в объеме 45 тысяч кубометров... А кроме этого, установлено 5170 противопехотных, 5330 противотанковых мин, многокилометровые надежные проволочные заграждения по переднему краю обороны. Не считая ранения дивизионного инженера, саперы потеряли тогда 13 человек убитыми, 35 тяжело ранеными. Сохранилась в его архиве и характеристика на военного инженера III ранга Мнацакана Еремовича Чахояна, откуда я выписываю только одну цитату: «В этом бою инженер М. Чахоян из личного оружия уничтожил 5 фашистов».

Его ранения и эта вырванная из контекста цитата свидетельствуют: военный